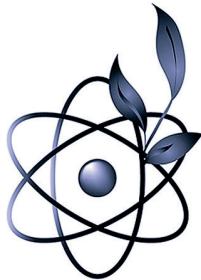

23 декабря
2025 года
СПЕЦВЫПУСК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Газета выходит с ноября 1957 года

Сергей Николаевич ДМИТРИЕВ

(17.01.1954 – 13.11.2025)

Этот спецвыпуск –
дань памяти и уважения
талантливому ученому
и руководителю.

В кратких биографических сведениях
запечатлен путь в большую науку,
основные события, научные
достижения и награды.

В воспоминаниях коллег –
истории, в которых проявились
его профессиональные и личные
качества.

В статье о Г. Н. Флёрове,
завершающей выпуск,
Сергей Николаевич выразил
отношение к своему учителю,
с благодарностью и легкой иронией.

Границы таланта

Прикладные исследования в Институте продолжают развиваться, и сейчас в ЛЯР обсуждается создание Радиохимической лаборатории первого класса. Ее даже в проекте еще нет, есть только идея, которую активно продвигал Сергей Николаевич Дмитриев. Работа по созданию этой лаборатории только начинается, и, я думаю, нам удастся эту идею воплотить в жизнь.

С. И. Сидорчук

Мы проработали больше тридцати лет, и за всё это время я не чувствовал какого-то давления со стороны Сергея Николаевича. Он расставит людей, определит задачи и не устраивает мелочной опеки – разрешает проявлять инициативу, действовать в рамках полезной для дела свободы.

П. Ю. Апель

У меня всегда вызывало уважение, как Сергей Николаевич умеет формулировать мысли. Когда я слушал его выступления или читал написанные им тексты, то часто складывалось ощущение, что по-другому сказать и написать просто нельзя: каждое слово было выверено и находилось на своем месте. У него было абсолютно ясное мышление, четкие формулировки и прекрасный слог.

А. В. Карпов

Сергей стал доктором физико-математических наук. Так но «вписался» в тяжелые ионы, показал себя как экспериментатор. Так он дальше шел со мной по всей этой трудной дороге сверхтяжелых элементов, был соавтором работ, стал членом-корреспондентом в ядерно-физическем отделении Российской академии наук.

Ю. Ц. Оганесян

Сергей был очень четкий человек, очень дисциплинированный. Он никогда не откладывал на завтра то, что можно сделать сегодня. Это абсолютно замечательное качество, необходимое, чтобы всё сделать в срок.

М. Г. Иткин

У Сергея Николаевича была, на мой взгляд, полезная черта – он считал неправильным доказывать свою правоту в споре, он считал, что прав тот, кто работает и тот, кто получает результаты.

А. Г. Попеко

Еще у него, как и у Георгия Николаевича, встречалось редкое сочетание: ученый, инженер и топ-менеджер. Наверное, это советское порождение, когда в крупной личности сочетаются такие разносторонние качества.

А. Н. Нечаев

Строки биографии

С. Н. Дмитриев – известный ученый в области химии трансурановых и сверхтяжелых элементов и исследований сверхчистых радиоизотопов, изучении взаимодействия ускоренных тяжелых ионов с конденсированными средами. Проявил себя не только талантливым ученым, но и выдающимся организатором, способным успешно воплощать в жизнь крупные научные проекты.

Сергей Николаевич родился 17 января 1954 года в Калинине. Его научная деятельность началась в 1977 году в аспирантуре Московского химико-технологического института (сейчас РХТУ) имени Д. И. Менделеева, где он учился на инженерном физико-химическом факультете. В 1980 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Гидратация, распределение и разделение Zr и Hf при экстракции из сульфатных и нитратных сред» и был приглашен на работу в Лабораторию ядерных реакций.

С. Н. Дмитриев внес определяющий вклад в решение труднейшей задачи – создание полупромышленных методик концентрирования неизвестных сверхтяжелых элементов. Полученные результаты позволили установить рекордно низкие пределы содержания сверхтяжелых элементов и завершить важный этап их поисков в природных объектах.

Накопленный опыт в изучении поведения следовых количеств химических элементов в различных системах позволил С. Н. Дмитриеву сформулировать и решить в 80–90-е годы задачу производства в ОИЯИ изотопно-ультрачистых препаратов радионуклидов для применения в биомедицинских, радиохимических и экологических исследованиях. Качество полученных препаратов до сих пор не превзойдено в мире.

В 1996 году С. Н. Дмитриев защитил докторскую диссертацию по теме «Получение ультрачистых изотопов ^{237}Pu и ^{236}Pu для изучения метаболизма плутония и радиоэкологических исследований». В 2000 году Сергею Николаевичу присвоено ученое звание профессора.

С началом реализации в 2000-е годы программы по синтезу сверхтяжелых элементов на ускорителях тяжелых ионов С. Н. Дмитриев возглавлял изучение физико-химических свойств новых элементов. Он организовал кооперацию с коллегами из ведущих ядерно-химических научных центров. В результате международному коллективу удалось впервые наблюдать проявления релятивистских эффектов в химических свойствах сверхтяжелых элементов. Проведенные в Дубне эксперименты получили широкий резонанс и позволили сформулировать новое научное направление – релятивистская химия сверхтяжелых элементов.

Выполненные С. Н. Дмитриевым с сотрудниками эксперименты по выделению дубния как продукта распада элемента 115 обеспечили независимое доказательство синтеза нового элемента. Это послужило весомым обоснованием заявки на открытие в ОИЯИ новых элементов Периодической таблицы элементов Д. И. Менделеева.

Слева направо: первый зам. министра науки и высшего образования РФ академик Г. В. Трубников, директор ЛЯР профессор С. Н. Дмитриев, председатель Правительства РФ Д. А. Медведев, академик Ю. Ц. Оганесян у макета Фабрики сверхтяжелых элементов. 6 февраля 2019 г.

с атомными номерами 113, 115 и 117, по данной в Международный союз теоретической и прикладной химии.

В сферу интересов Сергея Николаевича входили не только фундаментальные исследования, но и реализация научных результатов на практике. По его инициативе в Лаборатории ядерных реакций был образован Центр прикладной ядерной физики, где изучаются физико-химические процессы взаимодействия тяжелых ионов с конденсированными средами. Важнейшими результатами этих работ стало создание в ЛЯР уникальных технологий и полупромышленного производства трековых мембранных, микро- и наноразмерных структур. Выполненные исследования имеют большое научно-прикладное значение и легли в основу реализации международных проектов по созданию Циклотронного центра Словакской Республики (Братислава), Междисциплинарного центра Евразийского государственного университета имени Гумилева (Казахстан), циклотронного центра особой экономической зоны Дубны. Этими проектами руководил С. Н. Дмитриев.

С 1980 по 2020 годы он работал в Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ, пройдя путь от младшего научного сотрудника до директора (с 2007 г.). В течение этого времени в ЛЯР был реализован целый ряд масштабных проектов мирового значения. Затем занимал должность вице-директора ОИЯИ.

Под руководством С. Н. Дмитриева создан новый экспериментальный комплекс – Фабрика сверхтяжелых элементов, включающий циклотрон ДЦ-280 (с интенсивностью пучков тяжелых ионов на порядок превышающей ранее достигнутые) и новые высокоеффективные и низкофоновые сепараторы. С. Н. Дмитриев возглавлял проект, нацеленный на синтез 119 и 120-го элементов, реализуемый совместно с институтами РАН и научными центрами Росатома.

Сергей Николаевич автор и соавтор более 350 научных работ, из них 2 монографии, и 25 изобретений. С 1995 года был членом Королевского химического общества (FRSC, Великобритания). С 2004 года – членом редколлегии журнала «Радиохимия». С 1997 по 2005 годы – профессор РХТУ имени Д. И. Менделеева. В 2025 г. избран членом-корреспондентом Российской академии наук. Был членом научного совета Российской академии наук (РАН) по физике тяжелых ионов, членом межведомственного научного совета РАН и Росатома по радиохимии.

Научные работы С. Н. Дмитриева многократно отмечались первыми премиями ОИЯИ (в 1992, 1995, 1996, 2000, 2006, 2007, 2008, 2010, 2012, 2013, 2019 гг.). Он лауреат международной премии имени Г. Н. Флорова (2007) за цикл работ «Радиохимические исследования в физике тяжелых ионов», премии РАН им. В. Г. Хлопина (2013) за цикл работ «Идентификация и изучение химических и ядерно-физических свойств новых сверхтяжелых элементов Периодической таблицы элементов Д. И. Менделеева». За успешную трудовую деятельность Сергей Николаевич был награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней, медалью «В память 850-летия Москвы», знаком отличия в труде «Ветеран атомной энергетики и промышленности», Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, ему присвоено звание «Почетный сотрудник Объединенного института ядерных исследований», в 2021 году был награжден орденом «За заслуги перед Московской областью» III степени и медалью Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «За безупречный труд и отличие», в 2025 году ему была присуждена государственная награда – Орден Дружбы за заслуги в научной деятельности и многолетнюю добросовестную работу.

Воспоминания коллег

Научный руководитель
Лаборатории ядерных реакций
Юрий Цолакович Оганесян

У меня такое впечатление, что не он пришел в лабораторию, а его привел Георгий Николаевич Флёрнов. Привел как выпускника Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, чтобы он тут же погрузился в работы по поиску сверхтяжелых элементов в природе.

Этому предшествовала совершенно неожиданная для меня ситуация. На заседании Отделения ядерной физики АН СССР, которое проходило под председательством академика-секретаря М. А. Маркова, обсуждался вопрос о сверхтяжелых элементах. Предполагалось, что доклад будет делать Георгий Николаевич, я же, как заместитель директора ЛЯР, как всегда, был привлечен им к подготовке доклада. В этот раз мы приехали в Президиум Академии наук с большим запасом времени и решили прогуляться в Нескучном саду. И там Флёрнов неожиданно предложил мне сделать доклад вместо него. «А вас не будет на заседании? – Буду, послушаю вас с удовольствием. – Но я же совсем не готов! – Вы же всё знаете, мы всё это вместе делали». Я не стал продолжать этот разговор, согласился, сделал доклад, ответил на вопросы. Все комментарии, как помню, были доброжелательными и по сути вопроса. Но затем поднимается Флёрнов и говорит: «Всё, что он вам рассказывал про синтез сверхтяжелых элементов, он будет делать сам, я этим заниматься не буду. Не удивляйтесь, пожалуйста. Меня природа однажды одарила открытием спонтанного деления урана, она одарит меня второй раз – открытием сверхтяжелых элементов. Я буду искать СТЭ в природе».

После его заявления я ходил некоторое время как в воду опущенный – как же так, делаем одно дело в одной лаборатории? Но довольно быстро отошел. Флёрнов был очень увлеченный человек, искал СТЭ в земных объектах, в образцах лунного грунта и в космических лучах. Я держался в стороне, а Сергей мотался по экспедициям. Большая работа была проведена на полуострове Челекен, где на поверхность земли выходит подземная река. Говорили, что она длиной около 2000 км, идет глубоко под землей из Китая, омывает на глубине все породы, насыщена микроэлементами (в том числе и сверхтяжелыми, если они сохранились до наших дней с момента образования Солнечной системы).

Флёрнов считал, что СТЭ надо искать по спонтанному делению. Из природных элементов спонтанно делится только уран. Если вы уверены, что видите в ваших пробах спонтанное деление, и это не уран, значит, это некий трансуранный элемент, который сохранился с момента образования Земли до наших дней. А возраст Земли – 4,5 млрд лет. И они искали спонтанное деление, другой вопрос, в чем искать. Геологи и геохимики знают, какие элементы сопутствуют друг другу, а здесь нам трудно даже предположить химические свойства наиболее тяжелых СТЭ. Сергей как химик окунулся в это дело, и, по-моему, занимался этим направлением лет пять. Их результаты по определению пределов содержания СТЭ вплоть до настоящего времени не превзошел

никто. Открытия не случилось, Георгий Николаевич посвятил этому десять лет. В конце он очень хотел, чтобы я тоже подключился к этой работе. Но мне уже была уготовлена участь заниматься своим делом – строить ускорители, исследовать реакции синтеза, так я и продолжал им заниматься.

А потом случился Чернобыль, и Флёрнов целиком перешел на его проблемы. Сейчас мне говорят о том, что его присутствие на ЧАЭС было необходимо. Там была большая группа знакомых мне физиков и химиков из Радиевого института, занимающихся по сей день последствиями аварии. Они считают, что благодаря Георгию Николаевичу не было совершено неправильных действий. Тут надо добавить, что в это напряженное время в лаборатории началась смена поколений, меня выбрали директором. Я просил Георгия Николаевича не предлагать мою кандидатуру, я даже просил Ученый совет меня не выбирать. Объяснял, что таким директором, как Георгий Николаевич, я никогда быть не смогу. На это Н. Н. Боголюбов заметил, что меня просят за пять минут рассказать, каким я вижу будущее ЛЯР, а избирать директора – дело комиссии Ученого совета. Я хорошо помню этот день, потому что, когда я сел после своего короткого выступления, участвующие в сессии сотрудники Госкомитета по атомной энергии СССР пересказали мне полученную час назад информацию о страшном землетрясении в армянском Спитаке со многими жертвами. Они специально не сообщали мне это известие до моего выступления. А в 1990-м Георгия Николаевича не стало, и я остался один.

А потом настали тяжелые перестроочные времена. Как-то мне позвонил атташе по науке посольства Великобритании в Москве и попросил о встрече. Он просил принять его дома и готов был приехать тут же. Он рассказал, что в Харуэлльской лаборатории заняты проблемой, решить которую пока им не удается. Ядерная энергетика, эксплуатация реакторов, радиоактивные отходы и прочие применения жизненно опасных радионуклидов уже вошли в нашу жизнь. Среди них наиболее опасный искусственный элемент плутоний, который производится многими сотнями тонн. В производстве и работе с этим материалом занято множество людей. Известно, что он очень токсичен, но еще более опасен своей радиоактивностью, разрушающей здоровые клетки организма человека. Как ни странно, большие неопределенности были, вплоть до последнего времени, в метаболизме плутония в организме человека. Чернобыльская авария повысила актуальность этой задачи. В Харуэлле работала большая группа радиобиологов, занимавшихся вплотную этой проблемой. Исследования на лабораторных животных они провели, и речь шла об испытаниях на людях. Из всех известных изотопов наименее опасен плутоний-237, который дает только гамма-излучение с энергией около 60 кэВ. Это совсем небольшая нагрузка на организм. Можно получить контрастный снимок движения плутония-237, если убрать остальные, опасные изотопы, но уменьшить их надо в сто тысяч раз по отношению к массе плутония-237. Ни плутоний-236, ни плутоний-238 не должны присутствовать на уровне выше, чем одна стотысячная.

Британские ученые достигли уровня одной десятитысячной, а меньше не удалось. Они нашли наши работы, которые не были связаны с метаболизмом плутония, и пришли к выводу, что мы способны в опытах по синтезу трансуранных элементов регистрировать редкие распады с высокой чувствительностью. И решить эту проблему. Они готовы были выделить финансирование нашей группе, закупить необходимое оборудование, лишь бы мы согласились провести такую работу. Я ответил, что эта тема для нас совсем новая, платить нам ничего не надо, мы должны сами разобраться, сможем мы решить эту задачу или нет. Атташе очень просил не затягивать с ответом. И я подумал, что для Сергея, молодого человека, химика-технолога, это достойная задача и предложил ему заняться этим делом. В конечном счете, мы не на необитаемом острове, есть ускорители, методики. С выполнением ядерно-физическими части я был готов ему помочь, а с химической он сам мог справиться. Я видел, что он хорошо схватывает и ядерно-физическую часть, и постепенно центр тяжести в этой работе переместился на него. Решили сделать максимум возможного: тщательно исследовать реакцию получения этого изотопа на ускорителе, отработали химическое выделение, а потом еще разделили изотопы по массам на сепараторе ЯСНАПП ЛЯП. Таким образом проводилась двойная – и химическая, и сепараторная – очистка, к тому же осуществлялась реакция, которая хорошо изучена, но никогда раньше не использовалась для получения плутония.

Когда всё было сделано, приехали два английских профессора-радиобиолога. Я сказал им, что, похоже, мы получили то, что они просили, примесей не видим. Конечно, лучше бы увидеть и получить точную количественную оценку нежелательных примесей, поскольку изотоп должны вводить человеку в кровь. В Финляндии есть европейская подземная лаборатория, в которой измеряют очень низкие активности – альфа-излучение, спонтанное деление. Они отправили наш изотоп туда, и там тоже ничего не увидели, а это означает, что примеси, если они и есть, находятся на уровне одной десятимиллионной. После этого два профессора выразились быть первыми волонтерами, на которых был испытан плутоний-237 для определения его метаболизма в человеческом организме. Многие представления о метаболизме плутония были изменены: он не накапливался в костных тканях, его можно эффективно выводить из организма. Затем были еще несколько десятков волонтеров, мужчин и женщин. Поднялся газетный шум: советский плутоний в крови британцев! Но быстро стих. Так занятие поиском СТЭ дало прикладной выход в радиобиологию.

А Серёже я сказал: пока весь мир должен идти к нам за этим уникальным плутонием. А не можешь ли ты создать технологию его получения? Ведь реакцию, которую мы осуществляем на нашем ускорителе, можно провести и на других. Он разработал эту технологию, и это стало темой докторской диссертации. Мы долго с ним спорили: он был кандидатом химических наук и хотел стать доктором химических наук, но химия и физика – это единое естествознание. Сергей стал доктором физико-математических наук. Так он «вписался» в тяжелые ионы, показал себя как экспериментатор. Так он дальше шел со мной по всей этой трудной дороге сверхтяжелых элементов, был соавтором работ, стал членом-корреспондентом в ядерно-физическем отделении Российской академии наук.

Заместитель
научного руководителя
Лаборатории ядерных реакций
Михаил Григорьевич Иткис

Когда вы впервые увидели Сергея Николаевича, где и как это произошло, какое он произвел впечатление на вас?

— Я впервые увидел его, наверное, году в 1985-м. Приехал в командировку из Казахстанского Института ядерной физики, а он прогуливался по коридору ЛЯР с Флёровым. Такой молодой, в костюме, при галстуке. Это для меня было удивительно — молодой человек на работе, а одет, как говорится, по всей форме. Но когда я переехал в Дубну на постоянную работу, у нас сразу сложилась команда — понятно, во главе был Юрий Цолакович Оганесян — Сергей Николаевич и я. Тогда мы раньше восьми вечера с работы не уходили. После шести мы садились в маленькой комнате у Флёрова и обсуждали первоочередные проблемы. И так каждый день. Эта команда работала без сбоев, четко.

И, конечно, мы не только коллеги, но еще и друзья. С Серёжей мы семьями дружили. Вместе не только занимались наукой, но и на отдых ездили, мотались по конференциям. Это дружба устойчивая, многолетняя, без подвохов. На первом месте всегда были интересы лаборатории, а не личные. Личные получались автоматически.

Как вы с командой переживали трудные времена?

— Сергей Николаевич стал заместителем директора в 1997 году. Время было весьма и весьма, как вы помните, финансово сложное. Тогда Серёжа очень мощно работал с прикладными исследованиями. Много чего удалось сделать. Это не только трековые мембранны, но и совместная деятельность с Роскосмосом, новый проект ускорителя. Годы были тяжелые, денег в Институте не было. Пример, который я люблю рассказывать. 1999 год, звонит Игорь Николаевич Мешков и говорит — мы выключили электричество в Институте. А у нас первый эксперимент по синтезу 114-го элемента, флеровия. Еще ни одного события нет, идет облучение мишени. Ну и всё, электричество выключают во всем Институте — нечем платить. Я говорю — Серёжа, придется нам заработанные прикладными исследованиями деньги отдать. Так мы и сделали. Нам включили электричество, и через два дня мы получили первое событие синтеза 114-го элемента! Это абсолютная правда, так было на самом деле.

Когда возникала непростая ситуация, я говорил — Серёжа, надо помочь. И помогали, в том числе нашим сотрудникам, из внебюджетных денег. Он так хорошо поставил работу по прикладным исследованиям, что у нас проблем не возникало. Очень активно развивались мембранные технологии, совместные проекты с США, Европой, Китаем. С. Н. Дмитриев внес очень большой вклад в это дело.

Воспоминания коллег

Возложение цветов к памятнику академика Г. Н. Флёрова в день его 95-летия.
Ю. Ц. Оганесян, С. Н. Дмитриев, М. Г. Иткис. 17 февраля 2008 г.

И, конечно, самое главное — это радиохимия сверхтяжелых элементов. Первые эксперименты были проведены в начале 2000-х — это заслуга Сергея. Как сейчас помню, в журнале Mendeleev Communications вышла первая статья по радиохимии сверхтяжелых элементов. Авторы — Дмитриев, Иткис, Оганесян...

Расскажите, какие качества Сергея Николаевича вы цените больше всего?

— Сергей был очень четкий человек, очень дисциплинированный. Он никогда не откладывал на завтра то, что можно сделать сегодня. Это абсолютно замечательное качество, необходимое, чтобы всё сделать в срок. Он отслеживал все обязательства, которые лаборатория брала на себя, никогда у нас не было сбоев по срокам и оплате. Со всеми нашими заказчиками в результате у нас сложились прекрасные отношения.

И эти качества проявились в руководстве созданием Фабрики сверхтяжелых элементов...

— Да, последние годы он, конечно, был очень занят фабрикой. Он добился реализации проекта, ее приняли в эксплуатацию и она успешно работает. Были свои сложности, потому что первые подрядчики срывали сроки, со стороны Института были просрочки платежей. Сложности мы преодолели, фабрику построили, она успешно работает, и это, конечно, огромнейшая заслуга Сергея.

Очень часто в архивах встречаются фотографии вашей команды, сколько лет в сумме вы руководили лабораторией?

— С 1989 года и по сегодняшний день. Это называется преемственность.

И также Сергей Николаевич сменил вас на посту вице-директора ОИЯИ?

— Да, конечно. И в этой должности он проявил свои организаторские способности — старался вникать во все вопросы, не только по сверхтяжелым элементам. В этом плане он человек вдумчивый, хотел досконально разбираться в том, что делалось, например в лабораториях нейтронной физики или ядерных проблем по прикладной тематике и ядерной физике. И он старался во всё вникнуть, и, надо отдать ему должное, это не так просто. Он приглашал к себе директоров, решал с ними вопросы, помогал. Эти пять лет он очень успешно работал с лабораториями. Все были довольны.

Мы начали подбирать материалы в этот спецвыпуск, и оказалось, что Сергей Николаевич практически не давал больших интервью, только комментировал конкретные научные события. Какая черта характера стоит за этим?

— Это скромность. Есть люди, которым не надо подчеркивать свою роль, они и так видны. Сергей из этих людей, он никогда себя не выделял. Хотя и с Королевским химическим обществом взаимодействовал, и с учеными мирового уровня, с разными научными центрами. Конечно, знал, что карьеру надо делать, продвигаться, но другим способом — делом! Это самое главное.

Директор Лаборатории ядерных реакций Сергей Иванович Сидорчук

Когда я пришел работать в Лабораторию ядерных реакций, Сергей Николаевич уже был начальником химического сектора – молодой, очень энергичный. Я тогда не осознавал, кто он такой, но понимал, что человек непростой. Мы работали в старом ветхом здании, на месте которого в 2011 году вырос Центр нанотехнологий. Раньше в этом здании на верхнем этаже располагались физики, а на нижнем химики. И Сергей Николаевич забегал мимо нашей комнаты к химикам. Он был молодым, худым и не седым.

Первое личное знакомство состоялось некоторое время спустя, когда я задумалась о том, что нужно решать квартирный вопрос. Дело сдвинулось с мертвой точки только после того, как им занялся Сергей Николаевич. Он тогда был заместителем директора ЛЯР. Сергей Николаевич очень доброжелательно, по-человечески отнесся к моим проблемам. Я видел впоследствии от него много добра, но первый случай – незабываемый.

И эта черта – помогать сотрудникам – была характерна для него всю жизнь. Он понимал и учил разбираться, где реальная проблема, а где воображаемая. Позиция директора или замдиректора по отношению к проблемам сотрудников всегда предполагает тяжелые решения. Ты понимаешь, что влияешь на судьбы не только сотрудников, но и их семей. У Сергея Николаевича это получалось очень убедительно. Он чувствовал, как поступить правильно и справедливо. И люди это понимали.

Даже в качестве директора лаборатории я этим пользовался и иногда старался переложить на Сергея Николаевича самые трудные решения такого характера: личные вопросы, семейные и жилищные. Он всегда знал, как нужно поступить.

В моей жизни он вообще был важным человеком. На таких постах работать без коллизий невозможно. Приходится принимать не вполне очевидные решения – как научные, так и административные. В таких ситуациях хорошо иметь в собственном окружении человека, с которым можно поговорить откровенно в случае сомнений. А с Сергеем Николаевичем можно было

Справа налево: Ю. Ц. Оганесян, С. Н. Дмитриев, А. Г. Попеко, С. И. Сидорчук и гости из академических научных центров Китая в Лаборатории ядерных реакций, 3 октября 2011 г.

говорить откровенно. Это очень редкое качество. Я счастлив, что у меня была такая возможность.

У Лаборатории ядерных реакций, я полагаю, особая репутация. Она связана с организацией работ над многочисленными проектами. Так совпало, что практически одновременно с приходом Сергея Николаевича на пост директора ЛЯР в Институте начал резко расти бюджет. Соответственно появилась возможность реализации крупных проектов. В это время появились Центр прикладных технологий, Фабрика сверхтяжелых элементов, сооружались ускорители для других организаций и стран. И всё это требовало плана, слаженной работы и высокой степени организации. Руководителем был Сергей Николаевич, и свои таланты организатора он проявил в полной мере. И то, чем мы сейчас пользуемся и воспринимаем как само собой разумеющееся, это его заслуга. Сейчас у нас имеется проложенный и уже привычный путь организации больших проектов, и путь этот прокладывал С. Н. Дмитриев.

Сергей Николаевич был личностью многогранной. Будучи химиком по образованию, докторскую диссертацию защитил по физико-математическим наукам. Он был

вовлечен в синтез и исследования сверхтяжелых элементов, в частности в изучение их химических свойств. Под руководством Г. Н. Флёрова он закладывал основы Центра прикладной физики, это его детище. Со временем ЦПФ перешел к более многофункциональной, разнообразной деятельности. Открывались новые перспективы использования трековых мембран, развивались исследования по радиационному материаловедению, возникло сотрудничество с Роскосмосом по облучению электронных компонент. И как дальнейшее развитие прикладного направления деятельности лаборатории возникает тема радиоизотопов для многочисленных медицинских приложений.

Прикладные исследования в Институте продолжают развиваться, и сейчас в ЛЯР обсуждается создание Радиохимической лаборатории первого класса. Это лаборатория по разработке технологий производства перспективных медицинских радиоизотопов. Ее даже в проекте еще нет, есть только идея, которую активно продвигал Сергей Николаевич Дмитриев. Работа по созданию этой лаборатории только начинается, и, я думаю, нам удастся эту идею воплотить в жизнь.

Заместитель директора Лаборатории ядерных реакций Андрей Георгиевич Попеко

Впервые я увидел Сергея Николаевича осенью или летом 1980 года – помню, было тепло. Он появился в Лаборатории ядерных реакций, и Георгий Николаевич Флёрков показывал ему установки. Мы как раз настраивали новый нейтронный детектор, Г. Н. нас познакомил и сказал – будете работать вместе. И вот с того момента мы проработали 45 лет.

Сергей Николаевич пришел в ОИЯИ кандидатом химических наук. У нас была тематика поиска в образцах сверхтяжелых элементов. И часть исследований прово-

дили химики: подготовка образцов, применение аналитических методов. А измерительная, аппаратурная часть, была за физиками. Поэтому с появлением молодого химика, знающего современные методы, связывали большие надежды.

Работать с ним было комфортно. Деловая обстановка, никаких отталкивающих или настораживающих ситуаций не возникало. Всё открыто, всё понятно, дискуссии были дружелюбные, конструктивные. У него была, на мой взгляд, полезная черта – он считал неправильным доказывать свою правоту в споре, он считал, что прав тот, кто работает и тот, кто получает результаты. На мой взгляд, это редко встречающаяся черта у людей. Вместо того чтобы спорить, кричать, он

предпочитал работать спокойно, систематически. И, конечно, он обладал очень высокой квалификацией – знание аппаратурной части химии, методов химической переработки, аналитических методов, современных приборов.

Мы продолжали научную работу, издавали совместные публикации и тогда, когда он стал начальником сектора, заместителем директора. На него всегда можно было положиться. Не помню, чтобы в работе с Сергеем Николаевичем возникали катастрофические ситуации, в которых надо было бы проявлять особую силу воли или выдержку. Это, опять же, его способность организовать спокойную планомерную работу без авралов, без сбоев.

Воспоминания коллег

Председатель правления Роснано С. А. Куликов на экскурсии в наноцентре ЛЯР. 4 февраля 2021 г.

Начальник Центра прикладной физики ЛЯР Павел Юрьевич Апель

Я пришел в ЛЯР дипломником в 1975 году, стал инженером с весны 1976-го. А Сергей Николаевич пришел после окончания аспирантуры МХТИ на несколько лет позже меня, но так получилось, что по работе мы контактировали с первых же лет.

Мы – студенты 1970-х. В те годы было популярно движение студенческих строительных отрядов, ездили в разные уголки нашей необъятной страны. Это было одновременно и романтика, и заработка, и полезное и увлекательно занятие, школа жизни. Мы с Сергеем Николаевичем учились в разных вузах и ездили в разные стройотряды, но, как позже выяснилось, я чаще всего работал каменщиком, а он был командиром отряда. Уже в те годы он был склонен решать масштабные задачи. Каменщик кладет кирпичи весь световой день, а командир занимается оформлением нарядов, договоров, обеспечением жильем, едой, взаимоотношениями с прорабами, мастерами, – у него куча забот. Сергей уже тогда был готов к такой деятельности.

Образование у нас очень похожее: он окончил кафедру радиохимии и радиационной химии МХТИ имени Д. И. Менделеева, а я – кафедру радиационной химии Ленинградского технологического института. Сергей был большой специалист в радиохимии, об этом свидетельствуют его работы, в том числе по получению особо чистых изотопов. Помимо того, что он был классный радиохимик, он был умелый организатор. Еще он обладал одним важным качеством, которое не так часто встречается у научных сотрудников, – умел мыслить как бизнесмен. Мы начали вместе работать в начале 1990-х, он стал моим начальником, когда организовали Центр прикладной физики. Юрий Цолакович придумал такую форму, а Сергей Николаевич ее воплотил в жизнь. Чтобы реализовать эту идею, нужно было уметь мыслить нестандартно. А кроме поиска решения, нужна была

и большая смелость, чтобы его принять, что для Сергея Николаевича тоже характерно. Подумает, помолчит и решается на какой-то серьезный шаг.

Мы проработали больше тридцати лет, и за всё это время я не чувствовал какого-то давления с его стороны. Он расставит людей, определит задачи и не устраивает мелочной опеки – разрешает проявлять инициативу, действовать в рамках полезной для дела свободы. Наверное, именно такие качества должны быть у начальника, успешно руководящего коллективом такой длительный срок. Все ценили его человеческие качества. Он был очень внимателен к людям. Особенно это проявлялось в критические моменты, когда у человека возникала какая-то сложность. Он не просто предлагал свою помощь, а предпринимал конкретные действия. Когда он отмечал 70-летие, в конце вечера в своем ответном слове гостям он пожелал всем быть добрее друг к другу. Мне кажется, это важный момент, характеризующий его. Он не был добрењским, он имел в виду активную доброту, когда человеку требуется помочь.

В период, что мы взаимодействовали с ним, он сначала был начальником Центра прикладной физики, потом стал замдиректора ЛЯР, директором ЛЯР, вице-директором ОИЯИ. Могу сказать, что наш контакт от этих изменений его административного положения не менялся, взаимоотношения так и оставались ровными и стабильными, какими были с самого начала. Когда он стал вице-директором Института, многие расстроились, потому что привыкли работать с ним. Я помню, как он нас всех успокоил: «Ребята, я никуда не ухожу». И в самом деле, несмотря на то что он переехал в кабинет в административном корпусе, он держал под постоянным контролем ключевые вопросы деятельности лаборатории. А если нужно было что-то срочно обсудить, в любой момент принимал в своем кабинете в административном корпусе.

– Надо отметить его отношение и поддержку молодых сотрудников, – присоединяется к рассказу заместитель начальника Центра по научной работе Александр Николаевич Нечаев.

– Год назад он здесь, в лаборатории, очень внимательно слушал выступления наших молодых коллег. Он в последние годы постоянно думал о поддержке научной молодежи, о притоке и сохранении кадров.

– Да, когда с ним обсуждали обновление коллектива, он всегда старался нашу молодежь поддержать, прибавить зарплаты, поскольку начинающих свой путь в науку надо стимулировать, – добавляет Павел Юрьевич.

– И потом, у него круг общения был очень широк, он не замыкался на ЛЯР и ОИЯИ, в него входили и Росатом, и Роскосмос, это давало широту взгляда на любую проблему, задачу, исключало местечковость. Мне кажется, это еще идет от того, что Сергей Николаевич был учеником Георгия Николаевича Флёрова...

– Если говорить о широте его взглядов, – вспоминает П. Ю. Апель, – то я много раз замечал, что когда к Сергею Николаевичу приходишь с каким-то вопросом, то его ответ оказывается гораздо шире твоего вопроса.

– Мне кажется, Сергей Николаевич был подходящей кандидатурой для Г. Н. Флёрова, который готовил кадры на смену, – продолжает Александр Николаевич. – Влияние Флёрова на его личность, на широту взглядов очень сильно. Я пришел в ЛЯР в 2012 году, а до этого мы взаимодействовали с Сергеем Николаевичем в рамках работ, проводившихся в Лаборатории ядерных фильтров Института кристаллографии РАН. Меня всегда поражало в Сергею Николаевиче то, что, будучи химиком, он глубоко, досконально разбирался в физике. Это очень сложно, ведь мы все – узкие специалисты.

Еще у него, как и у Георгия Николаевича, встречалось редкое сочетание: ученый, инженер и топ-менеджер. Наверное, это советское порождение, когда в крупной личности сочетаются такие разносторонние качества. То, как Сергей Николаевич руководил Центром, какие задачи он в нем ставил, как он находил партнеров, означает, что он умел донести до людей свои идеи. Мне кажется, он думал, что будущее ЛЯР в прикладных направлениях, в том числе, и производстве медицинских изотопов. Последнее – это сложная тема с позиции коммерциализации радиофармпрепараторов. Одно дело понимать проблему, а другое – наладить выпуск, получить лицензии. У Георгия Николаевича возникла такая мысль, но даже он эту задачу не смог реализовать до конца. У Сергея Николаевича интерес к медицине изотопов был огромный.

Георгий Николаевич организовал в Москве методический кабинет с целью распространения и коммерциализации результатов прикладных исследований, проводимых в Лаборатории ядерных реакций. Это был центр притяжения, куда приходили в 1980-е годы люди разных специальностей – физики, химики, медики, аспиранты и академики. Выбраться из этой орбиты идей Флёрова всем, кто туда попадал, было трудно. Он хорошо разбирался в людях, я думаю, он по-особенному относился к Сергею Николаевичу, он чувствовал, что этот человек продолжит его дело. И Сергей Николаевич в полной мере оправдал это доверие учителя.

Директор ЛЯР С. Н. Дмитриев открывает симпозиум «Периодическая таблица Д. И. Менделеева. Новые сверхтяжелые элементы». 20 января 2009 г.

Помощник директора Института по финансовым вопросам Сергей Николаевич Доценко

Мы познакомились с Сергеем Николаевичем более 30 лет назад. Тогда в Лаборатории ядерных реакций оформляли финансовые взаимоотношения по строительству ускорителя в Словакии. Налоговые вопросы были весьма сложными. Сергей Николаевич очень внимательно и грамотно подошел к решению вопросов по налогам. И в дальнейшем мое мнение о нем укрепилось как о грамотном руководителе, добром и отзывчивом человеке. Он принимал решение только после тщательного изучения вопроса. Сергей Николаевич был верующим человеком и, по мере возможности, помогал Храмам. Царствие небесное и упокойение его душе. Здоровья и добра его родным.

Заместитель директора Лаборатории ядерных реакций Александр Владимирович Карпов

Расскажите, как вы познакомились с Сергеем Николаевичем, при каких обстоятельствах?

— Я начал работать в Лаборатории ядерных реакций в 2004 году. Мы приехали в Дубну с женой, и, наверное, как во все времена, у молодежи одна из главных проблем — это жилье. В 2005 году лаборатория решила помочь своим молодым сотрудникам со строительством квартиры. Сергей Николаевич был тогда заместителем директора лаборатории. Фактически мы познакомились с ним, когда после нескольких итераций с поиском наилучшего способа оформления выплаты, Сергей Николаевич просто принял волевое решение, что нужно сейчас выдать людям деньги, а потом решать юридические вопросы. Тогда я первый раз появился у него в кабинете, и мы немного пообщались.

Какое впечатление он на вас произвел?

— Сергей Николаевич всегда производил впечатление очень серьезного человека, к которому неудобно приходить неподготовленным. Если он приглашал к себе или ты хотел прийти к нему по какому-то вопросу, то нужно было продумать и подготовить свои идеи для разговора. Всё это

Воспоминания коллег

было ясно с первого дня и за время нашей совместной работы не поменялось.

Как вы взаимодействовали, какую совместную работу вели?

— Более близко мы начали работать в 2015 году, когда Сергей Николаевич предложил мне стать ученым секретарем в ЛЯР. Честно говоря, для меня это была большая неожиданность. За пятилетний период с 2015 по 2020 годы, когда я был в этой должности, а Сергей Николаевич был директором ЛЯР, произошло несколько знаковых событий. Это и признание химических элементов московия, тенnessина, оганесона, их наименование, инаугурация. Потом был Международный год периодической таблицы химических элементов. Праздновался он по всему миру с открытием в ЮНЕСКО в Париже и закрытием в Токио. ОИЯИ был одним из организаторов главных мероприятий года и в России, и в мире. То есть годы, когда мы работали с Сергеем Николаевичем, были очень насыщенные. Я помню, что мы часто переписывались и созванивались по вечерам, приходя домой после работы.

Расскажите, каким руководителем он был, какими чертами обладал?

— С ним всегда можно было обсудить проблему. Я ни разу не сталкивался с такой ситуацией, чтобы Сергей Николаевич относился к вопросу поверхностно. Он обязательно вникал в ситуацию, сопререживал и участвовал. Его слова вызывали огромное доверие. Ты понимал, что к его мнению совершенно точно стоит прислушаться. Одна из его главных черт — он много помогал людям, особенно когда видел, что они преданы своей работе. История нашего с ним знакомства — как раз тому пример. Сегодня десять молодых людей, которым благодаря Сергею Николаевичу лаборатория в свое время помогла со строительством жилья, работают на ведущих позициях, среди них, например, и Андрей Сергеевич Деникин — ректор университета «Дубна».

У меня всегда вызывало уважение, как Сергей Николаевич умеет формулировать мысли. Когда я слушал его выступления или читал написанные им тексты, то часто складывалось ощущение, что по-другому

сказать и написать просто нельзя: каждое слово было выверено и находилось на своем месте. У него было абсолютно ясное мышление, четкие формулировки и прекрасный слог.

Можно ли сказать, что он хорошо видел потенциал сотрудников?

— Думаю, что да. Он верил в людей. Всегда относился к людям хорошо, старался идти навстречу, где это было возможно. Но при этом он оставался сильным и требовательным руководителем, который может принимать решения, а потом им следовать. Да, с ним всегда можно было дискутировать, договариваться, спорить, он принимал твою сторону или наоборот, но после того как решение принималось, оно было, можно сказать, железобетонное.

Он был закрытым или открытым человеком?

— Мне кажется, что на первый взгляд и для малознакомых людей, действительно складывалось впечатление, что он закрытый человек. После того как мы начали с ним работать и поближе узнали друг друга, я абсолютно точно могу сказать, что это не так. Он делился очень многими мыслями. С ним можно было поговорить на личные темы. Какие-то вещи любил рассказывать в компании.

Какими качествами он обладал как учений?

— Он, конечно, был авторитетом, особенно в области радиохимии, в частности — химии сверхтяжелых элементов. Но наше взаимодействие было больше по административной работе. Вопросы лаборатории и ее жизни он ставил на первое место. Но и на науку он находил время, у него регулярно выходили научные статьи.

Чему вас научил Сергей Николаевич?

— Я бы не сказал, что он чему-то учил. Но находясь рядом с ним, можно было многое научиться. Он являл собой пример для подражания, был образцом порядочности, честности и преданности любимому делу.

Из книги «Георгий Флёрнов. Ученый, творец, первопроходец»

...Одним из объектов поиска СТЭ в природе для нас были термальные воды Байкальской рифтовой зоны (Тункинская долина, Бурятия). Экспедиция в этот регион впервые была организована в 1983 году и работала до 1988-го. Первые результаты были весьма обнадеживающими, но затем не воспроизвелись. «Древность» скважины, из которой производился отбор термальной воды, непредсказуемо влияла на изменение микроэлементного состава. Справедливо было предполагать, что это и являлось причиной неудач. Мы долго с этим боролись, развернули хорошую аналитическую лабораторию, но результатов не было. Г. Н. решил проблему старой скважины кардинально: письмо и телефонный звонок тогдашнему министру геологии — и появляется приказ соответствующему территориальному геологическому управлению о бурении новой скважины. Место бурения предлагалось определить научному руководителю академику Г. Н. Флёрнову, а непосредственное руководство работами по бурению возлагалось на меня как начальника экспедиции. Конечно, это была не сверхглубокая, как Кольская, но достаточно сложная скважина, глубиной около трех километров. Трудно описать, что мы пережили за время трехмесячной эпопеи бурения, которую Г. Н. почти полностью провел с нами в этом далеком, не отмеченном на карте уголке Бурятии. Наши знания в этой области были весьма ограничены, но мы достаточно убедительно обсуждали с буровиками, где и как нужно бурить. Нам помогали наши друзья и коллеги из Восточносибирского филиала Сибирского отделения АН СССР (Иркутск), но ответственность оставалась за нами. В результате впервые в этом регионе была пробурена «научная» скважина, с правильным отбором керна, привязкой к геофизическим данным и т. д. Вопрос о сверхтяжелых элементах так и остался открытым, но полученные важнейшие результаты по геологии Байкальской рифтовой зоны полностью оправдали проект новой скважины.

Поиск СТЭ в природе так и остался последней научной любовью Г. Н. В больничной палате за два дня до кончины он давал мне последние указания и советы по развитию этих работ.

Сегодня мы возобновили работы по поиску. Хотелось бы, чтобы наши мечты об обнаружении СТЭ в природе все-таки сбылись.

Не хотелось бы заканчивать воспоминания о Г. Н. на печальной ноте. Лучше освежить в памяти краткие истории из экспедиционной жизни и наших совместных поездок.

Поиск сверхтяжелых элементов в термальных водах байкальской рифтовой зоны.
Начальник экспедиции ЛЯР С. Н. Дмитриев проверяет режим работы установки
в районе Тункинской впадины. 1983 г.

1982 год, полуостров Челекен, база ОИЯИ по поиску СТЭ в термальных рассолах. Местное время шесть утра (четыре по Москве). Г. Н.— мне: «Просыпайтесь, Серёжа, у нас масса важных дел!» — «Что случилось, Георгий Николаевич?» — «Вчера вечером Велюнский (директор Челекенского химического завода) показал мне данные по составу рассолов — в них очень, понимаете, очень много стронция. Нужно срочно звонить Ласкорину (академик Б. Н. Ласкорин — в то время главный физикохимик Средмаша)».

Местное время 6:10 (4:10 по Москве). Заказываю московский номер Ласкорина, через пять минут нас соединяют. Г. Н.: «Борис Николаевич, как у нас дела со стронцием?» — и тут же кладет трубку — «Серёжа, со стронцием у нас всё нормально, можете еще спать».

1983 или 1984 год. Дубна, середина лета. Дом ученых полон — лекция известного диетолога Г. С. Шаталовой. Вся Дубна заражена новой диетой. Продолжение — в коттедже Г. Н. Обед, на столе — сырье кабачки, политые вареньем, сырья морковь и зелень (всё без соли). Мучаемся, но едим. Оживленно беседуем.

Г. С.: «Завтра приедет мой муж, ему шестьдесят пять, но остается бравым генералом, полон энергии, соблюдает мою диету».

Следующий день, те же и генерал, то же меню. Генерал выглядит лет на десять старше Г. Н., хотя и моложе, преданно смотрит на жену. Пытаемся есть. Г. Н. не выдерживает и просит извинения у гостей, дескать, нам нужно срочно на час в ЛЯР (важный эксперимент). Бежим в ресторан, молча обедаем, возвращаемся и продолжаем хвалить диету.

1985 год, Берлин. Коллеги привозят нас в гостиницу правительства ГДР. Заполняем анкеты. Я подаю первым, Г. Н. чуть позже,

получаем ключи. Поднявшись на нужный этаж, выясняем ошибку — мне дали люкс, Г. Н. получил одноместный номер. Меняется ключами. Спустя два дня выезжаем из отеля — я получаю квитанцию за люкс, Г. Н. за одноместный. Возвращаемся в Дубну: вызов к А. И. Романову (в то время помощник директора ОИЯИ по международному сотрудничеству). «Как Вам не стыдно, Сергей Николаевич? Вы, молодой сотрудник, а жили в люксе, вот даже академик Флёрнов такого себе не позволил». Объяснения не помогают, разница между стоимостью люкса и разрешенной суммой вычитают из зарплаты, хорошо, что это немного — всего за два дня. Г. Н. смеется.

Проходят две-три недели. Г. Н. получает почтовое уведомление о посылке из Берлина (наложенным платежом). Он удивлен и доволен (видимо, наши немецкие друзья прислали что-то интересное). Далее настроение меняется — посылка пришла из нашего отеля с забытыми в одноместном номере (где он формально значился) моими бритвенными принадлежностями. Сумма платежа несколько больше, чем вычли у меня из зарплаты.

1986 год. Дубна, август. Только что я вернулся из очередной длительной экспедиции. Г. Н.: «Серёжа, у Вас усталый вид, Вы три года не были в отпуске, обязательно нужно отдохнуть, возьмите всё, что у Вас накопилось, недели Вам хватит?»

Конечно, не все воспоминания укладываются в формат этой книги. Как любой человек, Г. Н. был разным, чаще добрым и справедливым, но иногда и не совсем. Но он всегда оставался Ученым с большой буквы, и я счастлив, что лаборатория носит его имя, а мы, его ученики, можем и дальше развивать и воплощать его идеи и начинания.

С. Н. Дмитриев